Дом Культуры

Табаков играет странного дедулю

ВЕК ПО ЛАВКАМ

Театр-студия под руководством Олега Табакова

Алексей Максимович Горький очень любил восклицательные знаки. Не верите — перелистайте «На дне»: страницы просто пестрят восклицаниями.

Вот, к примеру, кусочек из знаменитого монолога Сатина. «Всё — в человеке, всё — для человека! Существует только человек, всё же остальное — дело его рук и его ума! Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо! Быть-ме за человека, Барон!» Ни одной спокойной урановешенной точки в конце фразы.

Нельзя сказать, что Адольф Шапиро сделал много купюр в горьковской пьесе, но восклицательные знаки он, кажется, повырезал к чертовой матери почти все.

Александр Филиппенко сидит на полу, прислонившись спиной к стене, и обращает монологи Сатина куда-то в воздух, как бы размышляя вслух. На губах — циническая усмешка шулера, в глазах — какая-то неуловимая горечь.

Эта цепкость во взгляде — штука очень важная. Кажется, Солженицын имел-ще-то, что один бывший зэк всегда узнает другого такого же даже в большой толпе — именно по этому цепкому взгляду человека невероятного, небоящегося и непросящего.

В спектакле Адольфа Шапиро — два таких персонажа: им достаточно лишь слегка выжмуть в глаза другому и затем сдержанно отвести взгляд, чтобы всё-всё понять. Второй такой «бывший зэк» — это Лука, и у него с Сатиным больше сходства, чем различий.

Олег Табаков играет Луку совсем не тем добрым кроотеньким старикашкой, каким мы его помним по школьной программе. В этом Луке ни толики карапаевщины, а лишь скрытая злая, дающая ему власть над людьми.

Он не утешает своими россказнями бедных босяков, а скорее проводит с ними сеанс психоанализа. Вроде доктора как дедушка то посмеивается себе в кулак, то что-то под нос напевает. Но в какие-то моменты божий одуван преображается, впивается взглядом в свою собеседника и медленно и спокойно заряжает его так, как считает нужным. Сцена, в которой Лука заставляет Актера поверить в существование города, где бесплатно лечат пьяниц, просто один в один — сеанс кодировки от алкоголизма.

Взгляд Луки действует в спектакле Адольфа Шапиро как луч прожектора. Кажется, что из общей массы людей, вповалку брошенной на нары злосчастной ночлежки, он выхватывает то одно, то другое лицо и позволяет нам рассмотреть его крупным планом. Вместе с режиссером мы пристально глядим на одну искреннюю дуду за другой: покуривающую и почти злую Настю (Евдокия Германова), угрюмого дебошира Ваську Пепла (Ярослав Бойко), ничтожного, опустившегося барона (Виталий Егоров).

Никого из них, в сущности, не жалко. Жалости заслуживает, кажется, один только Актер — «последний романтик» в этом давно уже свихнувшемся сообществе бездомной участью мира. Амплуа Андрея Смолякова — классический «неврастеник». Играет в последнее время в «Габиккерсфилдо», и надо сказать, что потихонько-полегоньку роль в роль превращается в очень хорошего актера. Пуховатый голос, взъерошенные волосы... В Актере ему удается выразить и трагическую взвинченность (без пафоса), и безысходную тоску (без мелодраматизма).

Адольф Шапиро поставил «На дне» не как социальную драму (на сцене — прокислые унтерлюдие, а в зале — мучающиеся комплексом вины перед народом интеллигенция), а скорее как сухие размышления о человеческом роде вообще. Если кто в утешение проплакать, так это не мы, несчастные. Декорация Александра Боровского симметричным образом отражает зал: на сцене — точно такие скамейки, как и у зрителей, только перевернутые вверх ногами.

Спустя 98 лет после премьеры на сцене Московского Художественного театра горьковской пьесы не осталось больше никаких сил на жалеть Человека, как призывал Луку, ни уважать его, как настаивал Сатин. В спектакле Адольфа Шапиро уставшие от споров Лука и Сатин, кажется, наконец, примирились, а слово «Человек» стало писаться с маленькой буквы.

Глеб СИТКОВСКИЙ

СДВИГ ПО РЕКЛАМНОЙ ФАЗЕ

Выставка «Дизайн и реклама». ЦДХ

До некоторого времени дизайн и реклама недобро смотрели друг на друга. Дизайн — почти искусство; наружка, реклама — порождение базара. Они настырны и взывают к коллективным инстинктам. По большому счету, ей плевать на эти и эстетику: главное — результат. Не нужно быть экспертом, чтобы увидеть, как в России до сего момента одно успешно гнобило другое.

Организатор выставки компания «Экспо-Парк», славная своей любовью к коммерческим проектам с налетом чистого искусства (интимарные салоны, книжные ярмарки, выставки парфюмерии), пошла на эксперимент. Заявила в названии равенство того и другого, но в реальности заломила руки рекламе массой некоммерческих проектов дизайнерского свойства. Это и выставка-конкурс графического дизайна «Золотая пчела», и экспозиция исторического плаката из Лениной библиотеки, а на сладкое — подборка лучших рекламных роликов из Америки.

Художественность забила деловой настрой фирм-участников. Коммерческая экспозиция на втором этаже были мелкой и суетливой — этикетки, обертки, чайки, календари... Лично мне злечатлила только ручки, надевающаяся на палец как кольцо: это чтобы одновременно печатать на компьютере и писать.

Весь третий этаж был отдан под Международную биеннале «Золотая пчела» (на снимке), где в трех номинациях соревновались плакаты, брошюры и буклеты, графика на майках. Но интереснее всего были плакаты.

Ретроспективу современных плакатов решено подкрепить исторической. Устроители хотели соединить плакаты XVIII — начала XX веков из Ленинки с «Золотой пчелой» в одну жанровую линию. Но соединяются они, как полотно передвижник с видеоинсталляцией. Классический плакат впитал книжную графику: под дисуиным растрепанной женщины пишется слово «мать» — и зритель понимает: что-то не так, нормальная мать в нормальной ситуации так вести себя не будет. «Родина-мать зовет!» — лучший образец такого сдвига смысла в картинки.

В современных плакатах если и есть сдвиг, то направлен не только на смысл, но и на изображение. Абстракционизм и фрейдизм постарались. Лучший постер прошлого сезона — плакат с Лу Ридом американца Стефана Загмайстера, где на лице рокера пропасью взлелеены оставлены из его рта. Плакат все бол-ше напоминает ребус или иероглиф. Рекламный эффект возникает, когда вы с усилием отгадываете значение. Например, молодой человек со штрих-кодом на руке и подпись: «желательно употреблять до...»; смысл тот, что нас наркотики исвращают; а не мы их. Художник (скорее даже верстальщик) прочитает в структуру зрительских стереотипов.

Куратором на «Экспо-Парке» на четыре дня удалось создать заповедник арт-рекламы. Правда, в стороне осталось кровавое поле битвы — город и городская среда. Только небольшой семинар Московской рекламной гильдии коллективно скорбел об отсутствии дизайнерского подхода в оформлении столицы. За хаотичными стенами нет архитектурной подоплеки: расчета на дополнительную ориентацию в городе, на освещение и выразительность. Кстати, не пора ли обломать руки тому, кто поставил щит на холме перед Пашковым домом?

Сергей СОЛОВЬЕВ

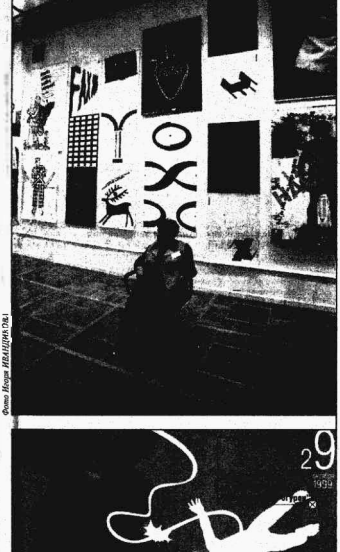

Фото Нины ИВАНЦОВА

ДЕМБЕЛЬ С РЕЗИНОЙ

Фильм «ДМБ». Кинотеатр «Пушкинский»

Однажды меня чуть было не забрали в армию. Я уже сдал все анализы, прошел все медкомиссии, был готов во всех отношениях. Даже одевшись вокруг, прислал на призывной пункт, где пробоялся часа полтора, обменивавсь впечатлениями и предчувствиями. А потом нашел дыру в заборе и сбежал, оставив в недоумении ожидавших меня около больших железных ворот папу с мамой. Так я в армию не послужил. Может, и зря, как через несколько лет сказал мне военкоматовский майор.

Новый отечественный фильм «ДМБ» — страшилка, но не страшная. На месте генералитета я бы в обязательном порядке крутил его по призывных пунктах и, уже позже, в частях. Всем ведь сегодня понятно, что армия — это в большинстве случаев жопмар и ужас, густо замешанные на мазохизм, не на одном поколении отработанном дебилизме.

В этом контексте я бы назвал «ДМБ» высоко гуманистическим произведением. Снабженный компьютерными эффектами в виде зависших над плацем летающих тарелок и сдобренный экшвинной эстетикой, фильм ясно дает понять, что воинская служба — это, конечно, хреново, но весело. Дома так не посмеешься. Дембели — взрослы, по внутреннее, если побольшать по душам, мягкие и пушистые, просто они очень хотят домой, и за два года не сколько потерялись в системе человеческих отношений. Пример — тоже человек; зверек, поскольку пьет, и пьет, поскольку безысходность. Гарнизонные генералы мучатся нечеловеческой тоской, и единственное от нее избавление (как у Пилата от мигрени) — на совхозного хряка с АКМ поохотиться, в русскую рулетку пострелять. Генералы — они как дети, и по-детски обидчивы. Чтобы их не обидеть, иногда надо уметь изобразить кабанчика, если кабанчика нет, и с задорным хрюканьем попрушить по кустам под пулями.

В общем, вокруг жизнь. Даже в кладбищенском склепе, куда один из главных героев водит невесть откуда взявшихся в пулюмаки многочисленных любовниц.

Подростки, кажется, склонны рассматривать увиденное в «ДМБ» как прохождение службы экстерном. Типа все узнал, можно не ходить. На самом деле, финал у фильма в том смысле открытый, что завершается принятием присяги (и поэтому непонятно, откуда взялось название). Не расслабляйтесь, все только начинается.

Сергей СИНЯКОВ

ФАКТ

Льва Додина награждают и награждают

Фото Нины ИВАНЦОВА

Меньше двух недель назад Лев Додин был удостоен самой престижной российской театральной премии «Золотая маска» за лучшую режиссерскую работу прошлого сезона (спектакль «Чевенгур»). А сегодня худрук санкт-петербургского Малого драматического театра — Театра Европы приехал в итальянский город Таормина, чтобы получить самую престижную Европейскую театральную премию «Таормина Артеа».

Эта премия, денежный эквивалент которой составляет 60 тысяч евро, учреждена Советом Европы при поддержке Международной ассоциации театральных критиков, Международного Института театра Средиземноморья, и получали ее всегда только достойнейшие из достойных: Арнаш Мнушкин, Питер Брук, Джордж Стрелер, Роберт Уилсон, Пуле Реннон, Льву Додину жюри «Таормина Артеа» присудило эту премию с формулировкой "За осуществление культурных акций, призванных пропагандировать театр и способствовать взаимопониманию между народами".

Приморский сицилийский город Таормина в эти дни стал совсем «русским»: руководить группой соответственно приехали многие известные театральные деятели, критики и журналисты. По случаю вручения премии Малый драматический театр — Театр Европы приехал в итальянский город тут «Дом» по роману Федора Абрамова (легендарную постановку 20-летней давности), а также новую работу, которую в России еще никто не видел: спектакль «Молли Сидоллю по пьесе ирландского драматурга Брайана Фриэла.

Подробности о торжествах в Таормине читайте в следующем номере «ВК». *(Глеб СИТКОВСКИЙ — из Таормины)*

Нешуточные премии для циркачей

Почти каждый месяц в Москве вручаются какие-либо премии — актерам, режиссерам, художникам, литераторам и кинематографистам. Не награждены только циркачи, артисты, что доходит до странно — цирк любит все от мала до велика. Наконец-таки Академия Цирковых Искусств учредила свою собственную награду — "Цирк" — высшую в российском цирке в этой области искусства, присуждаемую по итогам прошлого сезона. Лауреаты выражения удержали нет — лауреаты будут вручены фрезовые статуэтки, по дрессе отсрочки. В жюри премии — только профессионалы: знаменитый дрессировщик, вице-президент Всемирной Ассоциации артистов цирка Мстислав Запашный, руководитель Большого цирка на Воробьевых горах Леонид Костюк, руководитель цирка на Цветном Максим Никулин, мастер иллюзии Игорь Кио, директор Санкт-Петербургского цирка на Фонтанке Григорий Гапонов, руководитель Театра эстрады Геннадий Хазанов, директор Московского училища цирового и эстрадного искусства Валентина Савина и руководитель продюсерского центра «Доктор Фауст» Александр Калмыков. Они отсмотрели множество кассет, присланных на конкурс. Номинанты, прошедшие в финал, выступят в программе шоу «Звезды цирка 2000». Лауреаты станут известны на премьере этого представления. 21 апреля в Московском цирке Никулина на Цветном бульваре. Премии получат несколько участников программы, все остальные — дипломы, прибавку к зарплате и выгодные антиангажементы. «Звезды цирка 2000» войдут в программу цирка Никулина, а в сентябре-октябре будут в Санкт-Петербурге. Премию предполагается вручать ежегодно. *(Елена ГУБАЙДУЛИНА)*

«Венецианскому купцу» отрезали пятый акт

Меньше, чем через две недели, 20 апреля, в театре «Et cetera» состоится премьера спектакля «Шейлок» по пьесе Шекспира «Венецианский купец». Продюсирует его Российское государственное театральное агентство Давида Смелянского, а для постановки специально приглашен знаменитый грузинский режиссер Роберт Стуруа. !

До этого Стуруа вместе со своим постоянным композитором Гией Канчелей уже ставил «Венецианского купца» в Аргентине, но общего между спектаклями, по утверждению режиссера, будет мало. Во-первых, по словам Стуруа, спектакль про антисемитизм в России — совсем не то же самое, что о том же, но в Латинской Америке. А во-вторых, очень многое при работе над пьесой определил выбор актеров: Шейлока играет художественный руководитель театра «Et cetera» Александр Калягин, Антонио — Александр Филиппенко (на снимке он рядом с Робертом Стуруа).

Постановщик объяснил журналистам, почему переименовал шекспировскую пьесу: «Дело в том, что мы сократили весь пятый акт «Венецианского купца», и раз уж мы вырезали из пьесы такой значительный кусок мяса, то надо было менять и название». Спектакль будет идти чуть больше двух часов, и как осторожно заметил режиссер, «кому-то в конце может показаться, что вся эта история просто принадлежит Антонио». *(Иван ФЕДОРОВ)*

Фото Нины ИВАНЦОВА

вечер клуб - 2000 - 2 апр - 06